

образно задело зрение; оно пострадало не очень сильно: слева и спереди я вижу хорошо, но в виду некоторых особенностей зрения, кино, видимо для меня потеряно навсегда. Но главное не это. До сих пор неясно, до какой степени удастся восстановить способность чтения. Так что вопросов много. Не соскучишься. Во время, когда другие кончают, приходится начинать. Попробуем...

До свидания, Люда.

Пишите. Привет Вашей семье.

Ваш Ю. Лотман

К осени 1989 года Юрий Михайлович поправился, в декабре уже читал в Тарту лекции.

В одном из писем он прислал мне карточку с портретом Чаадаева, на обороте которой написал: «Prima morte che stanchezza³⁹. Leonardo da Vinchi (мое любимое изречение)».

Мариэтта Чудакова

О Ю.М. Лотмане

Значение — его в российской научной жизни — неопределимо. Недаром, прознавши про него, три юных выдающихся филолога — Р. Тищенко, Л. Флейшман и Женя Тоддес (в недалеком будущем — наш с Чудаковым ближайший друг, единомышленник и соавтор) — сразу стали ездить к нему из Риги в Тарту — учиться уму-разуму. Всем нам — отечественному гуманитарному кругу — было ясно, что в нашей стране появилось место, где наукой занимаются без пропаганды и тупой болтовни. А так как к тому времени наша с Чудаковым жизнь была уже безраздельно отдана науке, то для нас это было весьма немаловажно.

Не помню, когда и как мы с Ю.М. познакомились. Но в 1965 году мы были уже хорошо знакомы. И когда встретились в Москве — кажется, в начале лета — он спросил, чем я сейчас занимаюсь. И я рассказала, что в марте Чудаков, оставшись с маленькой дочерью, отпустил меня на 10 дней (ровно!) в Дом творчества в Дубулты (под Ригой), чтобы я изложила за это время суть моей концепции поэтики Зощенко, сложившейся у меня в последние годы, но излагавшейся — по особенностям жизни — урывками... А в Доме творчества я писала буквально день и ночь и изложила ее на ста машинописных страницах... Я гордо сказала, что — надеюсь! — сумела открыть секрет поэтики Зощенко — весьма загадочного писателя...

39 Скорее смерть, чем усталость.

К моему удивлению, Ю.М. очень заинтересовался моим рассказом. Он сказал, что, так как в этом году — 70-летие Зоценко, он посвятит ему специальное заседание кафедры и предоставит мне полтора часа (!) для изложения моей концепции...

И в сентябре 1965 года я приехала в Тарту с докладом. Аудитория была набита битком — в основном студентами (тогда уже в Тарту ехали учиться из разных мест страны). И я познакомилась и с юными рижанами, и с Сеней Рогинским, и многими другими...

В мае 1967 года я вновь приехала в Тарту — и жила в маленькой гостинице «Парк» — именно в парке... Ю.М. приходил ко мне. Интеллектуальная энергия была в нем ключом. После общения с ним многие умные люди начинали казаться пресными...

Я познакомилась с Владимиром Андреевичем Успенским (завкафедрой математической логики на мехмате МГУ) и тогда же узнала, что именно он, а не кто-либо другой (неверное мнение бытует и до сих пор) оплодотворил научную жизнь Тарту. Студенты помнили его лекции.

В конце июля 1969 года меня пригласили в Тарту на очередную Школу (семиотика была там в самом расцвете). За несколько лет до этого я написала — что называется, для собственного удовольствия, не стараясь напечатать — статью «О степени предсказуемости бытового диалога» (основным материалом послужили беседы молодых матерей, которые в свое время поразили меня своей удивительной предсказуемостью). Я добавила туда и кусок о бытовом диалоге у Зоценко (к тому времени у меня уже лежала в столе рукопись в 400 страниц — завершенная книга о Зоценко, надежд на печатание которой в тот момент не было).

Шли годы, мы не раз встречались, однажды Ю.М. пришел к нам и принес для дочери потрясающую куклу, которая получила у нее имя Красавица.

Осенью 1990 года я вела семестр в Лос-Анджелесе, в Университете Южной Калифорнии. И в это самое время Ю.М. оказался вместе с очень больной Зарой Григорьевной в одном из городов Италии, где ее лечили. Они были там одни, без близких людей. И я стала звонить им из Калифорнии каждый день, стараясь их по возможности поддержать.

Увы, настал день 25 октября 1990 года, когда Ю.М. сказал мне по телефону, что Зара Григорьевна скончалась.

Когда Ю.М. вернулся в Тарту, он был окружен близкими людьми — младшими коллегами. Особенно любил он Любу Киселеву (ставшую его преемницей на кафедре) и недавно ушедшую от нас Лену Душечкину. Она рассказывала мне, как Ю.М. жаловался ей: «Самые разные люди мне снятся. Но никогда не снятся Пушкин...»